

Завершая данную статью, мы останавливаемся там, где сегодня заканчивается рассматриваемая "лестница" ступеней интеллектуального обобщения. Ее продолжение будет зависеть от дальнейшего опыта человеческого общения.

**АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ
ПАВЛОВ** —
профессор кафедры философии ТГУ,
доктор философских наук

УДК: 130.2

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЕРИОДА

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются вопросы: российская культура как проблема, межцивилизационный период, экзистенциальное состояние человека, межчеловеческое и межкультурное взаимопонимание, экзистенциальный диалог.

The issues considered are as follows: the Russian culture as a problem; Russian culture in the period between civilizations; the existential state of a man; the interrelation and mutual understanding between human beings and between different cultures; the existential dialogue.

*Человек окружен шестью стенами:
сверху, снизу, спереди, сзади, справа
и слева.*

АЛКУИН

1. ПРОБЛЕМА

Наше время очень интересное: революция, которая началась в России в 1991 году, поставила перед гуманитарной наукой особую проблему. Ею оказалась сама российская культура, переживающая в равной степени как самоопределение, так и самоуничтожение.

В ходе революционных преобразований меняется тип цивилизации: одна заканчивает свое существование, другая же только рождается, и мы оказываемся как бы в межцивилизационном провале. Это не впервые, такой же период после крестьянской реформы XIX века завершился становлением советской цивилизации. Культура любой страны время от времени соскальзывает в эту пропасть, тем более следует посмотреть, что там находится.

Корректное, по правилам философии исследование межчеловеческого взаимопонимания, тем более в специфическом контексте межцивилизационного периода требует не тривиального подхода. Его предпосылкой оказываются живые человеческие индивиды, не люди прошлого, не абстрактный человек, а наши современники, каждый из которых живет в своих, только ему присущих условиях. Короче говоря, для решения этой проблемы конструктивны предпосылки К. Маркса и Ф. Энгельса из "Немецкой идеологии". Однако вопрос о взаимопонимании ведет не в область анализа внешнего бытия человека в материальном мире, а в направлении внутреннего бытия. Поэтому индивида приходится принимать в качестве мыслящего существа, не обосновывая факт его мышления, а исходя из этого факта.

Такое превращение предпосылок К. Маркса и Ф. Энгельса, возможное еще в советские времена, по известным причинам сделано не было. Оно требует постановки вопроса о принципе современности как фундаментальном методологическом основании философского диалога. Необходима новая базовая парадигма, не отрицающая субъектно-объектный дуализм европейской и российской культур, но преодолевающая его, когда он обнаруживает свои границы. Следует разрабатывать переосмысление и переоценку как методологические принципы философствования в контексте современности и на их основе выстраивать особую группу методов.

Короче говоря, российской философии и наукам о культуре приходится переживать стадию, аналогичную европейскому модернизму и постмодернизму. И проходить ее следует не столько путем изучения чужих идей, сколько выдвигая свои, опираясь на собственный опыт, если мы хотим, чтобы Россия сохранила культурную самобытность и осталась модификацией европейского мира, а не растворилась в нем.

2. МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Этим термином можно обозначить отличительные черты современной России. Межцивилизационный период может трактоваться как культурологический аспект социальной революции, понимаемой онтологически. В таком смысле революция не субъективно направленное действие, а естественный процесс, идущий к не вполне представимому результату. Новая общественная культура ожидается не такую, какую кто-либо хочет ее видеть, а такой, какой она сложится в жизни всего многообразия россиян.

Этот период как одинаковая для всех ситуация обуславливает всеобщую природу современного россиянина и его смысловое отношение к всеобщей природе его жизненного мира. Следовательно, он способен стать предметом философии, трактующей современность.

Очень коротко обрисую общую картину философской позиции и формулирую понятия, используя которые возможно говорить о взаимопонимании. Основная задача этого небольшого тезауруса состоит в уточнении предметности цивилизации и выведении ее на уровень всеобщего жизненного опыта.

"Я" и "Другое"

Строго говоря, по проблеме предмета европейская субъектно-объектная парадигма предоставляет нам альтернативу: предмет либо очевиден и дан в ощущениях, во внешнем опыте, либо непосредственно понятен и дан во внутреннем опыте человека. Эта альтернатива вытекает из картезианского принципиального сомнения, нацеленного на достижение несом-

ненного как истины. Лишь на ее основе возможно теоретическое представление предмета.

В контексте современности философия становится индивидуалистической, даже острее, эгоцентристской. Субъектно-объектная парадигма, традиционно выражавшая природу европейца, в индивидуализме представляется отношением "Я" и "Другое", поглощающим субъект и объект и содержащим их в себе в качестве отдельных граней. "Я" и "Другое" богаче и конкретнее субъекта и объекта.

Эгоцентристское "Я" не абстрактно, оно не таково как "некий субъект". Про него нельзя сказать "типичное Я". Оно всегда принадлежит "Мне" и является "Я" отдельного индивида, его самоидентификацией. "Я", стоящее в индивидуалистическом философском тексте, скорее похоже на пустую графу в анкете, куда каждому читателю предлагается подставить свое имя. Такое "Я" имел в виду Ф. Ницше, когда писал в "Ессе homo": *Выслушайте меня, ибо я такой-то и такой-то и, прежде всего, не смешивайте меня с другими!* [8. С. 694].

Парадигма "Я" и "Другое" в корне меняет методологию, методы перестают быть обезличенными, потому что философское познание начинает совпадать с практикой жизни и требовать "личностной подстановки". Философия раскрывается не только как "образ мышления" но и как "образ жизни", а главным трудом философа оказывается не книга и концепция, а скорее его жизненные принципы, жизнь в целом и он сам как личность, как "философская фигура" культуры.

Субстанцией культуры и цивилизации является внутренний мир человека, а человек в качестве индивидуального "Я" — это то, что каждый знает по самому себе и не нуждается в дальнейших разъяснениях. Поэтому цивилизация как предмет познания дана, в первую очередь, во внутреннем опыте.

В этой статье цивилизация трактуется экзистенциально, как сторона всеобщей природы человеческой индивидуальности. Индивидуальность же в пространственно-временной картине мира определяется координатами "здесь" и "теперь". Для нас это означает "в современной России" с ее неизбежной вследствие социальной революции диверсификацией межгрупповых и межличностных связей, ослаблением взаимопонимания и индивидуализацией людей. Поэтому на первое место выходит "Я" современного россиянина.

"Я" современного россиянина представляет собой его всеобщую природу, идею того, что такое человек в современной России и что значит в ней "жизнь по-человечески". Такую идею осознает и выражает философия культуры, выстроенная на основе философской антропологии.

Межцивилизационный период

Цивилизация — это совокупность объективированных и общепринятых норм жизни и мышления в обществе: технологии, права, нравственности, науки, искусства и т. п. Эти нормы рассматриваются в единстве со средствами их воспроизводства: техникой, социальными институтами и т. д.

Логика такого представления проста, она заключается в переходе мысли от трактовки цивилизации О. Шпенглером как овеществленного духа к причинам овеществления: объективации и отчуждению. Затем наступает черед способа производства и технологии как субстанции объективации и, наконец, личностного их проявления в нормах.

Цивилизация — фрагмент социальной культуры, а, значит, она вместе с культурой производна от экзистенции, точнее, от той ее стороны, которая соответствует всеобщей природе человека, она складывается в совместной жизни людей. Проще говоря, цивилизация такова, какую ее представляют себе люди, живущие в ней. В массовом сознании России цивилизация долгое время была синонимом формации в понимании советского марксизма. Но одновременно она трактовалась и как совокупность материальных ценностей, то есть, в некоторой степени, по-шпенглеровски. Поэтому советская цивилизация в действительности сложилась как объединение в одной упряжке коня с трепетной ланью: теории формации со Шпенглером, в таком качестве ее и следует изучать.

Нормы, если воспользоваться принятой их классификацией на естественные и искусственные, упрощенно можно редуцировать к двум видам: а) исторически сложившиеся традиции и обычаи, б) правила.

Традиции и обычаи — субъективно усвоенные нормы, воспринимающиеся человеком как естественные, лично осмысленные и понятные, входящие в состав природы человека. К ним в наибольшей степени применима точка зрения В. Д. Плахова о нормах как субъективно присвоенных реальных мерах [6. С. 9]. Подчиняясь им, на них не обращаешь внимания. Они понятны как воздух и как родная речь или как привычка, хлебная суп, пользоваться ложкой, а не ладонью.

Возможно, меня упрекнут в чрезмерно расширенной трактовке традиции. Я исхожу из принятого сегодня в публичных выступлениях словоупотребления, влияющего на содержание сознания. Плач об "утраченных традициях" распространяется их сторонниками почти на всю систему устаревших норм. Они невольно подходят к ним с экзистенциальных позиций и оценивают их по признакам привычности, осмысленности и понятности.

Правила — нормы, воспринимающиеся как искусственные для личности. Природа искусственных норм в данном контексте состоит не в том, что они напрямую создаются и предлагаются каким-либо субъектом, как нередко считают. Важнее, что они осознаются и воспринимаются как чужие, навязанные, их смысл ставится человеком под сомнение, он не понятен. Нужно ли голосовать на выборах, или это не имеет никакого значения? Какой смысл в только что принятом законе, в инструктивных актах? Вопрос о смысле указывает на проблему выбора: выполнять правила или нет.

Как отмечает Ю. В. Кудрявцев, если норма по любым причинам устарела (он это связывает с утратой общественной полезности), то хотя бы она и оставалась обязательной в силу нравственных или правовых предписаний и даже фактически исполнялась бы населением, результат ее социального действия будет отрицательным или, по меньшей мере, нейтральным [9. С. 74].

Зачастую правила деградируют не потому, что их не хотят выполнять, а лишь по той причине, что не могут это сделать. Идея автора правил не совпадает со сложившимися взглядами. Если авторитет автора высок, то правило выполняется людьми в соответствии с личным представлением каждого о его смысле. Пожалуй, в таком случае результат бывает даже хуже, чем если бы оно попросту игнорировалось.

Межцивилизационный период — эпоха качественной трансформации цивилизации, смена норм общественной жизни и мышления людей. Внешне он проявляется как распад тех средств, что воспроизводят привычную нормативную сторону общественной жизни, в частности, и социальных институтов тоже. Во внутреннем опыте он характеризуется личностным обесмысливанием традиций и обычаев, тем, что они превращаются в формальные

правила жизни и, в силу своей обесцененности для людей, перестают выполнять нормативные функции, исчезают. В этот период изменяется вся ценностная структура сознания.

Человек как проблема

Очувтившись среди деградирующих ценностей, перед выпячивающейся материальностью бытия, в мире объективаций, человек останавливается перед двумя важными для него проблемами.

Первая — *проблема смысла жизни*, или, как она проявляется — смысла всего, что с нами случилось, в том числе и собственных поступков в непонятных обстоятельствах. Мы обеспокоены, что на самом деле происходит, как найти себе место в условиях, чуждых для нас? Зачем творится все то, что творится?

В основе социальной культуры находится идея человека. Ее рациональным оформлением и выражением как проекта будущего, как перспективы становится идеал. Способом личного воплощения идеала является представление человека о его месте и роли в действительности, то есть, о смысле жизни. Качественное изменение идеи человека требует от людей найти принципиально новые идеалы и жизненные ориентиры.

Вторая — *проблема разума*. Лишившись смысла, человек деградирует и из существа разумного становится потребляющим, чем-то вроде животного в социальной природе как складе готовой продукции. Поиск места и смысла жизни выступает способом спасения разума, личности и своего внутреннего содержания.

Разум предзадан двумя взаимно противоположными условиями: способностью внешнего мира нас удивлять, ставить в проблемную ситуацию и нашей способностью понять внешний мир, найти в нем смысл, то есть, разум — это мышление, решающее проблемы.

Человек, повисший между цивилизациями, уже обладает разумом, хотя бы таким, какой сформировался в предыдущую эпоху. Разум заставляет придавать смысл обстоятельствам. Обстоятельства же со-бытийны, они формируются "Другими" в диалоге с нами. Следовательно, разум в поисках нашего смысла озабочен и смыслом "Другого" для нас. Изменение смысло-жизненной ориентации, навязываемое межцивилизационным периодом, настаивает на необходимости изменить тип разума, сделать его таким, чтобы новые условия бытия были для него естественными. Это значит, что меняется само представление о том, что такое человек и что считать человеческим в условиях новых, но идущих к неопределенному результату. Меняется всеобщая природа человека.

Экзистенциальный диалог

Современность — это диалог и взаимопонимание как его сторона. Но чтобы сложившееся представление о диалоге могло характеризовать современность и встать в ряду методологических принципов ее анализа, диалогу все-таки следует приписать эпитет "экзистенциальный", подчеркнув этим диалоговое качество самой жизни среди людей.

Мы не можем обойтись без общества, без многообразия "Других" и это вынуждает вступать в экзистенциальный диалог, желая создать себе "место в жизни". Результатом массового порыва к смыслу становится доказательство каждым своего личного права на бытие среди других, а значит, взаимопризнание. Желающий найти (в сущности, создать) условия жизни, адекватные себе, в том или ином виде получает их. На этой основе складываются новые традиции и рождается цивилизация, соответствующая тем, кто участвовал в ее создании от своего имени.

Замечу, что личностное самобытие не всецело совпадает с самооценкой и самосознанием, оно глубже. Поэтому стремление создать адекватные себе условия всегда ведет не только к ожидаемому результату, но и к неожиданным, в том числе и негативным для человека последствиям. Так, желание богатства, наряду с деловой активностью, провоцирует рост преступности. Всеобщая природа действительного человека на сей день лишена этической самооценки, поэтому растущая из нее цивилизация развертывает весь содержащийся в ней спектр культурных форм, как положительных, так и тех, какие по мере их проявления оцениваются отрицательно.

Цивилизация, на мой взгляд, неотъемлема от социальной культуры. В то время как культура — изменчивый способ бытия человека, то цивилизация — устойчивая форма, это — совокупность объективированных законов жизни в обществе, скелет, придающий культуре целостность.

Философское значение межцивилизационного периода заключается во взрывоподобном, порою насильственном освобождении человека от устоявшейся социальной культуры и норм старой цивилизации, потерявших смысл и ценность. Он ставит проблему глубочайшего изменения привычной жизненной ориентации и участия в общем экзистенциальном диалоге, проблеме изменения представления о человеке, трансформации разума, сознания, морали. Этот период вынуждает нас изменять самим себе, нашему внутреннему миру. Он касается всех, следовательно, и диалог имеет массовый характер, в него вступают и профессионалы, и непрофессионалы, вся страна начинает философствовать, определяя свою всеобщую природу.

Межцивилизационный период как индивидуальная ситуация человека

Все становится непривычным. Государство больше не защищает, общественные институты нас игнорируют, другие люди озабочены собою, народ рассыпается на индивидов. Привычные нормы права и нравственности, экономики и политики, познания, поведения и даже технологические нормы производства перестают работать. Ранее не вызывавшие никакого сомнения обычаи отныне сомнительны, к ним уже нельзя апеллировать, определяя стратегию своей жизни, ими не воспользуешься даже для обоснования и оправдания поведения в быту. Социальный опыт кажется ошибочным, науки подводят. Человек перестает быть доверчивым, значит, приходится обращаться к внутреннему миру и опираться на представление о собственном смысле поступка, несмотря на то, что этот смысл может отличаться от ориентации других людей.

Понятие межцивилизационного периода абстрактно, в действительности же он неразрывен с цивилизацией, вместе они составляют момент устойчивости и условие изменчивости в любом обществе. Межцивилизационный период высвобождает личный культуротворческий потенциал человека. Люди всегда хотят изменить сложившуюся цивилизацию, они богаче ее.

Цивилизация и индивидуальная культура — две взаимно оппозиционные черты современности. Поэтому любая цивилизация изначально заражена межцивилизационным периодом, а любой такой период рождает цивилизацию.

3. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Распад цивилизации характеризуется, на мой взгляд, тремя основными экзистенциальными состояниями: одиночеством, растерянностью и собранностью. Они выражают всеобщую природу современного человека и выступают предпосылкой как разума, так и творчества культуры.

Кризис норм цивилизации проявляется распадом институтов и нарушением связи между людьми и поколениями, а, следовательно, эгоцентризацией индивидов. Между людьми и группами пропадает привычное взаимопонимание, все предоставлено самим себе, вынуждены думать своей головой и, принимая решение, опираться на собственный разум, даже если со стороны он кажется лишенным здравого смысла.

Одиночество

Человек становится сущностно одиноким. Если он не нужен обществу, то общество еще меньше нужно ему. Мы попадаем в ситуацию выбора высших ценностей: что важнее, человек или общество? Начинается социальное расслоение по смысложизненным ориентирам. Каждый слой желает своей цивилизационной перспективы. Складываются две идеологии и два различных образа жизни. Сегодня они представлены, условно говоря, "националистическими" и "демократическими" ориентациями, в основе которых две высшие ценности: социум и индивид. Появляется и промежуточная позиция, настаивающая на признании обеих ценностей равноправными.

Противопоставление смысложизненных ориентаций выдает отношение человека к себе и своему внутреннему миру. Либо он отказывается от своей личности, разума, свободы и достоинства, от своего "Я", признает себя "ведомым" во имя надличностных интересов, тем самым снимая с себя всякую ответственность за свою жизнь и поступки. Либо же приходит понимание того, что высшую ценность имеет не общество, государство или иные внешние для людей сферы жизни. Высшие ценности в самих людях, в их внутреннем мире: в душе, в разуме и т. д. Одиночество *требует* от человека признать себя и свою мыслящую жизнь, все, содержащееся в ней, высшей ценностью, оно хранит возможность чувства собственного достоинства. Это — основа личной свободы, которая, впрочем, угрожает и порабощением. Короче говоря, одиночество заставляет определиться в ценностях, но его требование можно не выполнять.

Человек одинокий — потенциальный создатель, творец, а не рутинер, он активен как индивид, а не как представитель социальной силы. Мир его жизни, недавно обыденный и известный до деталей, вдруг поворачивается необычной стороной и перестает быть узнаваемым. Человек ставится перед необходимостью изучать казалось бы уже известное, заново знакомиться с недавними друзьями и пересматривать отношения с врагами. Ему приходится переоценивать ранее несомненные ценности и снова выбирать дорогу в жизни. Взрослый человек как бы возвращается в детство или в подростковый возраст.

Мир, ставший необычным, проблематичен и удивителен, следовательно, он требует пробуждения личного разума, необходимого для решения проблемы, заставляет осмысливать. Мы вынуждены прикладывать усилия, на которые не каждый способен. То, что естественно и органично для ребенка, зачастую невыносимо для взрослого. Жизнь, оказываясь, ставит в угол, треплет за ухо или снисходительно гладит по голове и предлагает конфету с елки, если мы встанем на стул и прочитаем гостям стишок. Обстоятельства оскорбляют людей своим отношением.

Как и всякое экзистенциальное состояние, одиночество — не эмоция, а сторона всеобщей природы. Одинок даже самый общительный человек, в его одиночестве скрыт потенциал личной самооценности, имеющий своей оборотной стороной взаимонепонимание людей. Поэтому одиночество в состоянии погубить малодушного, может заставить опустить руки, уйти от

ответственности, от необходимости решать и действовать, спрятаться в анонимной практике партий, конфессий, группировок или превратиться в самодостаточную величину, занять позицию экзистенциального монолога, вещающего оратора. Но сильному одиночество — опора, он — соучастник творчества социального мира, он привносит в него свое "Я", даже если его "Я" позднее оказывается лишенным имени.

Каждый по-своему переживает межцивилизационный период как личную ситуацию. Мы по-разному реагируем на хамство обстоятельств, кто плачет, кто смеется, один засучивает рукава для драки, а другой для работы. Кто-то уходит от оскорбления в наркотическую эйфорию, другие — в виртуальные миры компьютера, в секты, в группировки, в партии, кто-то в петлю, а иные хамят в ответ.

Межцивилизационный период — ситуация, общая для тех, кто в нее попал. Несмотря на индивидуальные способы ее преодоления и разнообразие реакций, несмотря на различающие людей личные ресурсы разума, эта ситуация — фундаментальная проблема, а, следовательно, она становится и всеобщим основанием мышления.

Привычный, скучный до обыденности образ жизни советского человека неожиданно пропал, и наша собственная страна повернулась к нам новой своей стороной. Человек ложится спать в СССР, в городе Ленинграде на улице Героев Революции, а просыпается в другой стране (Россия), в другом городе (Санкт-Петербург) на улице Жертв Большевизма. Вчера его сосед был младшим бухгалтером на заводе, а сегодня он — народный депутат и банкир (?).

Очевидная необычайность и нежданно обретенная свобода оборачиваются праздничным *восторгом* освобождения от старой бессмысленности и *страхом* неизвестности. Одиночество ставит нас перед тем открытием, что мы на самом деле не знаем и никогда не знали наш собственный жизненный мир, он, как предмет познания, неисчерпаем для рациональной мысли. Тогда страх перед возможной преступностью заставляет вооружаться и нападать первым, страх перед чужой группой заставляет сбиваться в свою, страх перед инфляцией провоцирует скупать продукты, а, значит, и цены начинают расти. Инфляция становится реальностью, вынуждая паниковать и правительство, и депутатский корпус. Об этом снимаются фильмы и пишутся романы, страх включается в содержание всеобщей природы человека.

Одиночество фундаментально тем, что заставляет видеть свое как чужое и самого себя как другого. В нем семена будущего, оно способно обернуться и гневом, и отчаянием, и блаженством безделья, и тупой неподвижностью, чувством безвыходности, тупика, неподъемности груза проблем и радостью от осознания возможностей. Оно ставит человека в положение, когда у него есть всего два варианта: быть самим собой и каждым поступком декларировать, кто он такой, или отказаться от себя.

Привычные объективные ориентиры, еще недавно служащие надежной опорой для мысли, рушатся. Социальная культура уходит в лаборатории и кабинеты. Так во времена раннего средневековья она пряталась в монастырях и там ждала своего времени.

Идеология? Нет ее. Государственные интересы и цели? Государство теперь даже географически другое, мы всем населением как бы эмигрировали из СССР в чужую страну. Экономисты? Десять лет назад они прекрасно знали свое дело, но это были специалисты по экономике, базирующейся на государственной собственности и имеющие целью ее приумножение. А сегодня у них исчез предмет, нет в России этой науки, как нет и экономичес-

кого единства. Наши экономисты — специалисты по межцивилизационным способам ведения хозяйства. Американские экономисты? Что они понимают в бизнесе по-русски? Социология? Тоже пропали и предмет, и цель. Политология? И т. д., и т. п.

Растерянность

Конечно, я утрирую ситуацию, чтобы показать ее выпукло. Главное то, что межцивилизационный период — время растерянности, когда колесная мазь продается в посудной лавке, а за хлебом надо идти в обувной магазин.

Растерянность — осознание необходимости сделать выбор и принять решение при отсутствии для него объективных оснований. Это следствие непосредственного переживания непознанности своего жизненного мира. Куда следовало поместить деньги, чтобы сохранить их в дни обвальной инфляции 1992 г. ? Как обратиться в суд с иском за моральный ущерб? Что такое адвокат не для предприятия, не для партии, а для рядового гражданина? Стоит ли у милиции искать защиту от хулиганов?

Одиночество и растерянность превращают взаимопонимание людей в насущную проблему. Причем, понять нужно не на основе привычных норм, они распадаются, а просто "по-человечески", это должно быть межчеловеческое взаимопонимание одиноких людей.

В своей стране мы живем, как будто едем в переполненном автобусе, новые пассажиры стремятся занять какое-то место и толкаются локтями. Взаимопонимание рождает единое пространство общего смысла, дает ощущение перспективы и формирует не личный, а социокультурный субъект. Оно обеспечивает возможность ответить для себя на вопрос: что означает быть в России человеком и жить по-человечески, причем ответить так, чтобы ответ не заставлял нас вступать с другими в конфликт, убийственный и для нас, и для культуры.

В. Д. Плахов замечает, что объектом социальных норм выступает "усредненный" социальный тип человека [6. С. 98]. Такой взгляд правомерен для устойчивого социального состояния, где есть этот тип. В межцивилизационные времена типичным является отсутствие типичности.

Данное обстоятельство углубляет представление об основании цивилизации. Социокультурный субъект является скорее не "типом", а *идеей* человека, мечтой о нем, прослеживающейся в хаосе межчеловеческих отношений, и уже в силу этого выступает его потенциальной всеобщей природой. Несмотря на внерефлексивность такой идеи, с нею считаются, соотносят свои поступки, понимая, что игнорировать ее значит быть высаженным из автобуса. Из поступков складывается жизнь в обществе, а тогда социокультурный субъект через посредство человеческой жизни создает цивилизацию, природа человека рождает новый культурный мир. Диверсификация связей при нарастании самобытности заставляет людей "приспосабливаться" друг к другу, и тех, у кого доминируют физиологические интересы, и тех, у кого преобладают духовные.

В развитой цивилизации типичность дополняется идеальным устремлением, ее нельзя рассматривать как среднестатистическую. Не типичность социокультурного субъекта, его как бы просторность для разнообразия индивидуальностей хорошо иллюстрируется той стороной социокультурного субъекта, какую в русской литературе в XIX веке принято было называть "героем нашего времени".

Разница между старой и новой цивилизациями оказывается в том, что старая просто утратила смысл и совместимость жизненных взглядов. Люди

перестают понимать, зачем они живут именно так, как живут. Новая же цивилизация имеет личный смысл если не для всех, то для большинства. Она имеет для "Меня" значение, это — моя страна, мой народ, моя культура. "Моя", а не чья-то чужая, это — "Мой" автобус.

В интересные времена цивилизация угасает. Следовательно, и сознание распадается, для которого она была формой, воспроизводящей тип разума. Наступает момент общественного безумия, которому позднее, конечно, найдут более благородное название.

Неожиданно появляются казаки (?). В конце XX века по улицам бродят растерявшиеся белогвардейские офицеры (?) и угрюмо смотрят по сторонам, словно некая сила занесла их на сто лет в будущее. Начинаются безумные войны по поводу: на каком языке говорить (?), какую молитву творить (?), какими деньгами расплачиваться (?). Заварилась каша и доходит до кипения. Опустилась с неба большая ложка и помешивает, помешивает...

Время растерянности сводит общество с ума, но люди с ума не сходят, они просто становятся разумными *по-своему* и теряют взаимопонимание друг с другом. Пропадают привычные ориентиры, люди ищут ответ на вопрос, что с ними происходит, присматривают себе место в неизвестной России, возвращают в душе новый смысл жизни. Каждый такой период сопровождается ростом психических отклонений, наркомании, алкоголизма и их вплетенностью в ткань общественной культуры.

Собранность

Стремясь сохранить разум, люди преодолевают растерянность собранностью духа и мысли. Их растерянность обусловлена крушением привычных оснований выбора. Тогда они делают выбор, видится даже, что будто без всяких оснований, произвольно. Сделанный выбор объективируется в социальной культуре, и сам становится ее субстанцией. *Собранность духом* есть принятие решения без объективных оснований, по мотивам личного смысла. Несмотря на кажущуюся произвольность, когда идея овладевает массами, она, как говорил поруганный основоположник ленинизма, становится страшной силой. Из частных решений в ходе экзистенциального диалога складывается общее решение, меняющее направление культурной эволюции.

Возможность собраться духом обусловлена тем, что мы хотя и не знаем (в рациональном смысле слова "знание") самих себя и наш мир, но при этом прекрасно понимаем их. Наш мир и мы сами даны себе непосредственно, причем даны внутренним образом. Мы не знаем челночника на базаре, но прекрасно понимаем, почему он челночествует. Мы с младенчества вырастаем в этом мире, и когда мир начинает меняться, в самих себе находим его устойчивость и говорим, что на самом деле, в сущности ничего не изменилось. Когда рациональность отказывает, основа жизни становится внерациональной.

Человеческая внерациональность — не спонтанный эмоциональный выплеск. Она контролируется человеком, если он отдает себе отчет и понимает смысл своих дел. Действуя, мы сохраняем целостность своего "Я", проецируем наше самопонимание вовне и воплощаем его в действия. Тогда поступок становится *нашим* поступком, а его результат — нашим репрезентантом, он представляет "Я" перед другими. Мы способны на межчеловеческое взаимопонимание, опираясь на понимание себя.

4. МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Одиночество и растерянность означают утрату взаимопонимания между людьми. Речь идет не о научном понимании (интерпретации и т. п.), а о межчеловеческом, включающем в себя экзистенциальные моменты.

Есть развитые теории понимания С. Тулмина, Х.-Г. Гадамера и других. Однако я полагаю в основу исследования представление о человеке таком, каким каждый сам себя знает, то есть, о человеке индивидуальном.

Как возможно взаимопонимание, когда каждый одинок и отличает себя от другого, когда для другого он символичен и недопознан, когда воспринимается поверхность вещей, а не их сущность? Взаимопонимание связывают с единством языка, обычаев и традиций. Но в межцивилизационный период социальная культура редуцируется к дифференциации (в трактовке Ж. Деррида). Традиции угасают, и даже сам язык становится разнообразным, в нем все больше возрастает вес частных значений и все тоньше оказывается слой общих.

Дифференциация препятствует привычному способу взаимопонимания как редукции к похожести, теперь для него нужно дополнительное основание — различие. Каждый желает быть понятым правильно, однако, кто же хочет быть понятым до конца, до самых тайников? Стремясь понять Другого, должны ли мы лезть ему в душу? Желая быть понятыми, мы, на самом деле, хотим быть не узванными, а признанными.

Принцип неисчерпаемости предмета для рациональной мысли заставляет в самую структуру понимания ввести непонимание, осторожность, тактичность, скромность. Это как бы свободный отказ познавать и понимать из боязни причинить вред и из желания сохранить собственную свободу и самобытность индивидуального "Я", как бы "этический агностицизм". Принцип же априорности самопонимания требует понимать другого как себя и находить в нем себя, а в себе — его. Проще говоря, вопрос о взаимопонимании следует в первую очередь адресовать себе, и лишь потом другому.

Взаимопонимание может трактоваться как обнаружение в основании собственного мышления всеобщей природы современного человека, состоящей в своеобразном "сходстве-различии", в комплиментарности, взаимодополнимости людей.

Человек одинокий, индивидуальный, свободный и творческий, изначально обладающий самобытным разумом, такой человек принципиально тактичен в отношениях с Другими. Он противоречив, потому что одиночество утомительно, он страдает, но желает сохранить внутреннюю самобытность как высшую ценность для себя и другого. Он понимает, что может удержать самобытность лишь тогда, когда оставляет за другим право быть самим собой и хранить свою тайну. Его жизненная позиция — диалог. Любая форма монолога и самодостаточности (интеллектуальная, политическая, хозяйственная и пр.) для него противоестественна. В жизни они означают диктатуру, принуждающую других быть похожими на диктатора. Таким образом, *первая черта межчеловеческого взаимопонимания — сохранение за партнерами права быть самими собой и защита такого же права для себя.*

Однако всеобщая личностная самобытность ставит перед людьми проблему общения при отсутствии рациональной предсказуемости партнеров. Строго говоря, мы не знаем, как они себя поведут, ведь мы хоть и стараемся *понять* другого, но отказываемся его *изучать* по этическим соображениям. Это чревато конфликтом и саморазрушением. Опасность конфликта сни-

мается взаимным *доверием* между партнерами и их обоюдной *обязательностью*.

Взаимопрятие людей, признание ими права на самобытность друг друга и взаимное доверие делает их комплиментарными. "Я" осознаю ценность другого и его смысл для себя не в том, чем другой на "Меня" похож, а именно в том, чем он отличается, в чем обладает качествами, мне не свойственными.

Таким образом, взаимопонимание, содержащее своей неотъемлемой стороной непонимание, обладает чертами взаимного притяжения, доверия и дополнимости индивидов, оно становится бытием в экзистенциальном диалоге, а сам диалог определяет всеобщую природу современности.

В своей истории Европа сменила несколько типов культур, с различными представлениями о человеке и о том, что является человеческим. Первобытно-мифологическая эпоха считала первостепенным человеческим качеством силу: физическую мощь, моральную силу шамана и силу рода, представленную в воле вождя. Человек — тот, кто умеет выжить в противостоянии с одухотворенной природой. Античность представляла человека как трагикомического героя, фаталиста, противостоящего богам. Средние века создали идею человека-святого, стремящегося к недостигаемому совершенству и противостоящего дьявольскому началу. Культура Возрождения выросла на идее человека гениального, универсального, достигшего совершенства и обладающего им как потенцией, но противостоящего другим людям.

Век Барокко ответил на вопрос, что такое гениальность, это — разум, противостоящий неразумию. Просвещение расшифровало разум как воспитанность и образованность. Начиная с XIX века, в основании культуры сформировалась идея абстрактного человека, противостоящего абстрактному социуму. Ни одна из этих идей не канула в прошлое безвозвратно. Передаваясь из поколения в поколение и трансформируясь в последующих культурных эпохах, они вместе характеризуют природу современного человека.

Человек современный как субъект культуры находится в диалоге не только с людьми, но и с другими культурами: европейской, арабской, восточной во времени, и в пространстве. Сама культура переживает одиночество и растерянность и готовится собраться духом. Взаимопонимание людей превращается во взаимопонимание культур, подчиненное тем же требованиям: признание, доверие, обязательность и комплиментарность. Другие культуры тоже оказываются ценными не тем, в чем похожи на нашу, а тем, чем от нее отличаются.

Решение проблемы современной российской культуры, следовательно, состоит в осознании самоценности и собственного достоинства, во взаимопонимании: взаимопризнании, доверии и комплиментарности с другими людьми и культурами, как прошлого, так и нашего времени. Ее решение не только в теоретическом осознании этих принципов, но, скорее, в превращении их в жизненную позицию россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кемеров В. Е. Российская реальность между современностью и постсовременностью // Социемы. 1993. № 2. С. 5-17.
2. Скоробогатский В. В. Катастрофические последствия свободы // Социемы. 1993. № 2. С. 31-40.
3. Павлов А. В. Элементы философии культуры. Тюмень: Изд-во Тюменского обл. гос. ин-та развития регионального образования, 1997. 180 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд. Т. 3. М., 1995.
5. Pavlov A. De la place d'un arbre dans la foret (reflexion sur la culture russe contemporaine) // Essais sur le discours de l'europe eclatee. 1997. № 13. P. 123-134.

6. Андрусенко В. А. Социальный страх (опыт философского анализа). Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 172 с.
7. Плахов В. Д. Социальные нормы: философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 252 с.
8. Плахов В. Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982. 220 с.
9. Ницше Ф. Эссе homo. Как становятся самими собою. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 692-770.
10. Социальные отклонения. М.: Юридическая литература, 1989. 368 с.
11. Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. 624 с.

**НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ
БЛАЖЕВИЧ** —

заместитель начальника
кафедры общегуманитарных дисциплин
Тюменского государственного
юридического института МВД РФ,
доктор философских наук, профессор

УДК: 165.0

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛИЙ ЯЗЫКА НАУКИ

АННОТАЦИЯ. В статье посредством структурно-генетического и структурно-функционального анализа выделены универсалии становления и функционирования языка науки и построены универсальные модели его генезиса, словаря, грамматического строя и когнитивных функций.

In this article universals of formation and function of scientific language are singled out and universal models of its genesis, lexis, grammatical structure and cognitive functions are constructed by means of structural, genetic and functional analyses.

Расширение сферы влияния науки, вмешательство ее во все стороны жизни человека не только усиливают интерес к ней, но и выдвигают перед обществом задачу неукоснительного изучения науки вообще, а языка науки, как культурного символа ее, в частности. Возникает вопрос, почему в статье акцентируется внимание на универсалиях, а не на социокультурных и личностных модальностях языка науки. Ведь в нынешнее время становится модным уход от стандартной концепции науки, от веры в абсолютные нормы, правила и методы научной деятельности и обращение к нетрадиционным формам и состояниям науки, к поиску человеческого измерения научного знания. Однако такое увлечение лишь на первый взгляд затмевает значимость исследования универсалий языка науки, ибо, по сути, знание универсального — предпосылка для обнаружения уникального, а познание уникального позволяет получить глубинное, целостное представление об